

Документальный триллер

АНДРЕЙ БРОННИКОВ

ДЕВЯТАЯ РОТА

ФАКУЛЬТЕТ
СПЕЦИАЛЬНОЙ
РАЗВЕДКИ
РЯЗАНСКОГО
УЧИЛИЩА ВДВ

Москва

издательство

РОДИНА

2026

УДК 355.5
ББК 68.58(2Рос)
Б88

Бронников А.Э.

Б88 Девятая рота. Факультет специальной разведки Рязанского училища ВДВ / А.Э. Бронников. – М.: Родина, 2026 – 304 с. : илл. – (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-264-4

В августе 1968 года в Рязанском училище ВДВ по новому штату было сформировано два батальона курсантов (по 4 роты в каждом) и отдельная рота курсантов частей спецназначения (9-я рота). Основная задача последней – подготовка командиров групп для частей и соединений спецназа ГРУ.

Девятая рота, пожалуй, единственная, ушедшая в легенду целым подразделением, а не конкретным списочным составом. Прошло уже больше тридцати лет с тех пор, как она перестала существовать, но слава о ней не угасает, а скорее, наоборот, растёт.

Андрей Бронников был курсантом легендарной 9-й роты в 1976-1980 годах. Спустя много лет он честно и подробно рассказал обо всем, что с ним произошло за это время. Начиная с момента поступления и заканчивая вручением лейтенантских погон...

**УДК 355.5
ББК 68.58(2Рос)**

© Бронников А.Э., 2026.

ISBN 978-5-00269-264-4 © ООО «Издательство Родина», 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
От автора	12
Из истории Рязанского воздушно-десантного училища, 9 рота	14
Глава 1. Пролог. Трагедия	16
Глава 2 . «Абитура». Поступление	21
Глава 3. Карантин. Начало	35
Глава 4. Карантин. Продолжение	41
Глава 5. Карантин. Тяжко	45
Глава 6. Карантин. Подготовка к прыжкам	50
Глава 7. Карантин. Прыжки	60
Глава 8. Карантин. Завершение	69
Глава 9. Училище. Девятая рота	73
Глава 10. Жизнь. Быт	81
Глава 11. Китайский язык. Малеева	92
Глава 12. Развлечение. Селуков	102
Глава 13. «Бздынь». «Атмосфэра»	116
Глава 14. Учебные предметы. МПД	127
Глава 15. Чрезвычайное происшествие	133
Глава 16. ТСП. Полевой выход	139
Глава 17. Проводы четвертого курса	150
Глава 18. «Щас споем». Первые отчисления	156
Глава 19. Показуха	162
Глава 20. Опасная огневая подготовка	167
Глава 21. Прыжки с Ил-76ТД	172
Глава 22. Самоходы. ЧП	184
Глава 23. Внутренняя служба. Наряды	189
Глава 24. Ночные прыжки с парашютом	196
Глава 25. Учения с училищем МВД	199

Глава 26. Учения. Продолжение	205
Глава 27. «Конь»	215
Глава 28. Азартные игры. И опасные тоже	222
Глава 29. Фомин. Свадьба	231
Глава 30. Отпуск. Война	236
Глава 31. 600 метров. Пиво	247
Глава 32. Парад. Неожданная смерть	251
Глава 33. Стрельбы. Гранатомет	256
Глава 34. Драка. Ошибочка вышла	263
Глава 35. 25 декабря. «Покушение»	276
Глава 36. Завершение. Лебедь и АКМС	287
Глава 37. Дождь. Убийство	292
Глава 38. Эпилог. Совсем коротко	300

ПРЕДИСЛОВИЕ

Этого предисловия первоначально не должно было быть, но собирая материал для книги, я почти случайно на городском сайте г. Ржева обнаружил опубликованные там в 2007 году воспоминания ветерана Великой Отечественной войны полковника Ашихмина. На первый взгляд они не имеют отношения к теме моих воспоминаний, но не поместить их здесь я просто не мог.

«Давно утихли бои под Ржевом, но болят старые раны у солдат и напоминают те тяжелейшие дни, о которых А. Твардовский сказал: «Этот месяц был страшен, Было все на кону...» Редакция получила письмо гвардии полковника в отставке Степана Ашихмина. Он и его брат воевали на Тверской земле. Брат погиб и здесь похоронен.

Степан Георгиевич Ашихмин за время войны был шесть раз ранен, из них трижды на нашей земле — под Ржевом и в боях за город Белый. Сегодня мы печатаем его краткие воспоминания.

«В январе 1942 года мы, сержанты-железнодорожники, стали сержантами пехоты и выехали на фронт.

В ночь с 5 на 6 апреля мы переправились по хрупкому весеннему льду через Волгу (ночью лед слегка подмерз), а дальше, минуя Глядово, Погорелки, вышли к деревне Черново.

Не задерживаясь, всем скопом, без какой-либо поддержки артиллерией или танками, с винтовками наперевес, пошли в наступление.

Немцы не дали пройти нам и двухсот метров, как открыли огонь из всех видов оружия. Рота залегла. Долго лежали в снегу, воде — кому как пришлось, переползали в воронки с водою, а немцы все били и били. Разрывы мин вздымали столбы грязи и воды, стонали раненые — помочь было некому, команд никаких, стрелять из винтовок по пулеметам никто не решался, страшно было поднять голову.

Но вечно лежать в воде не будешь, кое-как собрал ближних солдат своего отделения, и где ползком, где перебежками мы отошли на опушку леса, на ту, от которой начинали наступление.

Здесь встретил политрука роты. Тот собрал остатки роты, постарался нас ободрить — из средних командиров остался только он — и снова пошли в наступление, стреляя из винтовок и автоматов, а когда вышли на рубеж атаки, то атаковать уже было некому.

Снова лежим, кто остался еще в живых, в снегу и воде, а немец бьет и бьет. Так дождались темноты. Политрука вынесли на руках: от переживаний у него отнялись ноги.

Ночью все разбрелись по лесу — голодные, мокрые. Убитые остались лежать на поле, раненые кое-как ковыляли сами, тяжелые — искали помощи санитаров.

К утру нашли кухню, поели.

Пришлось принять команду над остатками роты. Из 151 человека нашей 3-й стрелковой роты осталось 38. Нас передали во 2-ю роту — и снова в наступление. Снова никакой поддержки, снова неудача, и вывел я из боя последних 12 человек. Так погибла наша 3-я стрелковая рота под деревней Овсянниково.

Я был тогда сержантом и командовал всего-навсего взводом, в котором не насчитывалось и 20 человек. Что делалось с полком, я, которому и головы-то поднять было невозможно под пулеметным огнем, сказать не могу.

Полагаю, что в других ротах дела были не лучше, потому мы и перешли к обороне.

Как всегда, немцы заняли позиции по высотам, а нам пришлось обороняться в болотистом лесу. Окопы копать нельзя: копнешь лопатой — и сразу вода. Приспособились делать хоть какое-то подобие окопов: укладывали два-три бревна одно на другое и с наружной стороны приваливали жидкой землей.

Немецкие артиллеристы обрадовались такой видной цели и начали регулярно выкатывать орудие на прямую наводку и разносить наш бруствер в щепки. Потом орудие быстренько прятали.

Мы решили отбить им охоту тренироваться в стрельбе по нашему горе-окопу. Ночью поставили станковый пулемет на фланг взвода и замаскировались. Только утром немцы резво выкатились на свою излюбленную позицию, как мы так с ними разделались, что орудие и убитых они сумели убрать лишь поздно ночью.

Противник наступать не собирался, но досаждал нам артиллерийскими налетами, а между ними целыми днями вел методичный огонь. У немцев снарядов всегда хватало. Один из таких случайных снарядов посек осколками мои измызганные штаны и рукава гимнастерки. Они свободно болтались на моем отощавшем теле, поэтому меня не задело. Отдых от обстрелов наступал с темнотой.

Наша оборона в районе деревень Глядово, Погорелки, Черново Оленинского района представляла своеобразный плацдарм на правом берегу Волги (8-10 км по фронту и 6-7 км в глубину).

В апреле, когда лед подтаял, а потом начался ледоход, сообщение с нами было прервано. С боеприпасами и раньше было плохо, а вот с питанием... теперь даже не хочется вспоминать.

«Кормили» нас через день или два, давая половину котелка какой-то кашицы с сухарями или кусочком хлеба. Люди отощали, глаза провалились, думы только и были о том, как бы чего поесть. Многие заболели куриной слепотой. Это значит — пока светло, они видят, а чуть стем-

нело, могли ходить только с поводырем. Испытал эту болезнью на себе и я. Страшно представить такую оборону, когда противник мог прийти и забрать слепцов в плен.

Солдаты стали ходить в сожженные деревни Глядово и Погорелки, копались в подвалах и погребах, добывая прокисшую картошку, а потом разводили костер и на малых саперных лопатах, как на сковороде, пекли лепешки. Какое это было «едово», можно представить, но ели: других разносолов не было, и желудок все же чем-то наполнялся.

Великой роскошью считалось, если удавалось найти зарытую в землю бочку с рожью. Из нее варили кашу и блаженствовали. Но такие праздники были совсем редко.

Лед прошел, тыловики зашевелились, и с 1 мая 1942 года мы начали получать по 700 граммов хлеба и два раза в день жидкую кашицу. Привезли махорку. Жить стало повеселее, но мы все равно едва таскали ноги.

Про оборону в апреле-мае только и осталось в памяти, что ходили голодные, вшивые, невымытые. Тяжело!

Июнь-июль простояли на формировании. Там мне было присвоено воинское звание младший лейтенант.

30 июля от деревни Дешевка начали наступление на Ржев. Поначалу успешно прошли 7-8 км, но с утра пошел дождь, и все, что было на колесах, отстало в болотах. К вечеру подошли к деревням Полунино, Галахово (4 км севернее Ржева). Атаковали опорный пункт немцев, но неудачно. При очередной атаке 1 августа я получил ранение в шею разрывной пулей, а еще добавило осколком в правую челюсть. Но тут спасла каска, и челюсть не снесло начисто.

Отлежал в госпитале, и снова в бой. Тут я оказался в отдельном лыжном батальоне 17-й гвардейской [бывшей 119-й Красноярской] стрелковой дивизии под городом Белый.

7 декабря в ночном бою у деревни Цицыно пулеметная очередь прошила мне обе ноги, и я на три месяца попал в госпиталь.

Подлечили — и вперед, на запад!»